

Мертвый хватает живого...

Недавно вышла небольшая брошюра т. В. Игнатовского о „мотивах лирики белорусского поэта М. Чарота“, по которой кое-кто будет иметь возможность познакомиться с творчеством единственного таланта среди молодых белорусских поэтов, уже сумевшего вырваться из-под власти провинциальной узости, ограниченности и старых традиций, начинающего рвать с крепко вешшимся в белорусскую интеллигентную народничеством и народническим „адрадженьством“. Будет иметь возможность ознакомиться с творчеством М. Чарота, несмотря на то, что его произведения то же издательство, которое поторопилось изданием критического очерка, до сих пор не удосужилось издать.

Но критический разбор т. Игнатовского, к сожалению, может ввести читателя в заблуждение, как в оценке классовой природы лирики Чарота, так и в оценке тенденций развития поэта и его роли в белорусской литературе.

Мертвый хватает живого...

Народник Игнатовский, без особых торжеств похороненный еще в 1920 году, встал из гроба поперек дороги живому марксисту и коммунисту т. Игнатовскому, хватая его и не пускает... Мало того, этот двойник нашего товарища Игнатовского проделал довольно скверную штуку с нашим поэтом. Он раскопал в старых газетах все прошлое нашего поэта и выставил его, так сказать, задом на показ, совершенно не выявив тех тенденций развития, которые у М. Чарота имеются, и того нового, наиболее ценного, что замечается в его поэзии за последний год. Он представил нам Чарота в виде старомодного деревенского „стихоговорца“, поющего про „волю“, „свет“ и свою „мужицкую долю“, во очень мало похожего на молодого художника, который ищет соответствующую форму для своего мироощущения и для своих поэтических мыслей и настроений, который этой формы и этого содержания еще не нашел и поэтому сбрасывается из огня да в полымя, который, однако, отошел уже от старого народничества и рвет с ее пережитками и в форме, и в содержании своих произведений.

Мертвого пытаются выставить в заслон живому... Восхваляя перед молодым поэтом его первый поэтический лепет, пытаются вернуть поэта назад, дать мертвому одолеть живое.

Допустить—это значит допустить погибнуть таланту, вернуть его в ряды тех, которые прозябают в тишине давно прошедшего.

Мы думаем, что ни друзья, ни недруги этого М. Чарота не пожелают. И поэту я взял перо, чтобы помочь живому поэту Чароту побороть его вчерашний день, а марксисту и коммунисту Игнатовскому—его двойника—старого народника. Мы полагаем, что ни один, ни другой этого не возьмут в обиду, ибо и Брут вооружился против Цезаря не потому, что он Цезаря мало любил.. нет, он любил Цезаря больше всех... но он Рим любил больше Цезаря...

Действительно ли автор нашей брошюры—народник и двойник тов. Игнатовского?

Для того, чтобы доказать это, не нужно и читать всей брошюры, достаточно прочесть первую страницу. Подход т. Игнатовского к критике совершенно не марксистский, не пролетарский, не классовый, а идеалистический, народнический, националистический.

В самой терминологии у товарища Игнатовского смесь „французского с нижегородским“ марксизма с народничеством. Если наша партийная тактика допускает создание рабоче-крестьянской власти, то только для того, чтобы осуществить диктатуру пролетариата в крестьянской стране, но не для того, чтобы создать сверх-классовую власть, стоящую над пролетариатом и крестьянством. Говорить про „пролетарско-селянский настрой“, про „пролетарско-селянские интересы“ есть просто нелепость. Речь должна идти не о пролетарско-крестьянской идеологии, а о пролетарской идеологии, которая должна овладеть крестьянством,

руководить им. Но т. Игнатовский делает еще другую ошибку, когда этот рабоче-крестьянский „настрой“, „интерес“ и т. д. считает классовым и восхваляет как классовый, вместо того, чтобы с марксистской точки зрения разбивать как метафизический и неясный. Отсюда одна ошибка, которая имеется во всех суждениях и во всей книге.

А другая крупная ошибка, которая делает тов. Игнатовского не марксистом, заключается в том, что он национальную белорусскую культуру и национальное возрождение считает „рабоче-крестьянской“ культурой и „пролетарско-крестьянским“ возрождением.

Во первых, не может быть пролетарско-крестьянской культуры, ибо культура несет отпечаток своего класса, их новая нарождающаяся пролетарская культура враждебна всей буржуазной культуре, в том числе и ее мелко-буржуазно-крестьянской разновидности. Пролетарскую культуру мы творим для классовой борьбы, а не для примирения противоречий, не для того, чтобы растворять ее и отказываться от ее классовой чистоты. Во вторых, с идеями пролетарской культуры, с классовыми интересами „возрожденческие“ идеи ни в коем случае не совместимы. Быть одновременно представителем пролетарской точки зрения и „национальным адрадженьцем“ нельзя. Или—или... Соединяя это, получается мелко-буржуазная мешанина. На практике это ведет к тому, что явно контр-революционные элементы, в роде Лесика и других, получают возможность в этих формах вести борьбу против Советской власти и нашей партии.

Не следует идти дальше, чтобы считать доказанным, что брошюра является не марксистской, а народнической, следовательно, совершенно неприемлемой для коммуниста, вредной для формирования нашего материалистического мировоззрения.

Но может быть, только тов. Игнатовский сошел с классовых рельс и бредет „без руля и без ветрил“ в некоем партак „литературной“ критике, а сам поэт крепко стоит, стоит и будет стоять на классовой платформе.

По мнению т. Игнатовского, это так. Но так ли это на самом деле?

Мы не принадлежим к тем, которые требуют от поэта, чтобы он в каждом своем произведении клялся в верности рабочему классу, воспевал октябрьскую революцию и борьбу великого старика Карла Маркса. Мы полагаем, что на пролетарскую „платформу“ поэт может стать и без клятвенных обещаний и архи-пролетарских фраз, но, рисуя в своих образах развивающуюся в своих противоречиях и нарождающую новую жизнь, диалектику классовой борьбы, картину распада и картину становления нового переживания нового человека, который становится классово-сознательным, становится борцом. И не только переживания отдельных личностей, но переживания класса.

Встречаем ли мы все это в поэзии М. Чарота?

В книжке т. Игнатовского никаких указаний на это не найдем, в ней есть только восхваление „революционной“ фразы, при том не пролетарско-революционной, а крестьянско-мелко-буржуазно-революционной, которая в момент творчества поэта была действительно революционна, а теперь уже перестала быть таковой.

Мы, еще раз повторяю, не требуем от поэта революционной фразы, но раз эти фразы проносятся, то нужно учесть их классовый и революционный удельный вес.

Поэзия Чарота до 1921 г. насквозь националистична и локалистична.

„Край родны, край сумны“...

Поэзия Чарота этого периода есть поэзия мелкого собственника.

Поэзия Чарота до этого периода есть поэзия индивидуализма.

Это доказывает т. Игнатовский всякому, кто читает его книжку, кто привык сам анализировать неподносимый ему материал и не ве-

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

В. КНОРИН

Москва, 7 сент. 22 г.